Лиам чувствовал прикосновение к своему имплантату, оно было сравнимо с гвоздем, но приглушенным и другим, явно не органическим. Это было необычно и поначалу раздражало, но он быстро к этому привык.

Это была неотъемлемая часть его тела, где находилась большая часть его сознания, и если бы имплант был сильно поврежден, он, вероятно, потерял бы сознание на неопределенный период времени, пока он не восстановится самостоятельно, или, если повреждение было слишком серьезным, это сразу бы убило его.

Хотя повредить его каким-либо осмысленным образом было гораздо легче сказать, чем сделать. Тек проблемы требовали Тек решений, или выброса на Солнце.

Поэтому Лиам, даже зная, что это может быть потенциально опасным решением, решил рискнуть. Он наблюдал, как отросток вылупившегося птенца коснулся его имплантата.

Сначала было щекотно, потом он почувствовал еле заметное покалывание, когда они расползлись, как корни, и достигли границы между его кожей и металлом.

Его зрачок внезапно расширился до предела, тревожное ощущение захлестнуло самую грань того, что, как он предполагал, было его разумом или чем-то близким к этому.

Впервые он осознал свой разум, самую глубокую часть своего существа. Это было странно, не то чтобы болезненно, но и явно не приятно. Это была совершенно новые ощущения.

Имплантат и голограмма над ним засияли, и были запущены предварительно запрограммированные протоколы для защиты Инграммной Матрицы Лиама от любого потенциального искажения или повреждения. Как можно предположить, имплант не был предназначен для такой цели.

Затем Лиам почувствовал связь, ментальную. Детеныш слегка дернулся, прежде чем посмотреть на него. Он чувствовал любопытство, сильное чистое счастье и глубокое чувство доверия, чувство безопасности рядом с ним и семейную любовь…?

Но все это было нечеловеческое по своей природе, оно было сюрреалистичным, противоестественным его разуму и восприятию эмоций, но это чувство исчезало, как только возникало.

Это были не его эмоции, это были эмоции Гладиуса у него на коленях, после этого эти эмоции легко отделились от его собственных. Он мог их прочитать, но это была только поверхность, да и на данный момент не было ничего большего, детенышу не было и двух часов от вылупления.

Лиам думал о возможности общаться и представил как отправляет сообщение на телефоне.

Он попытался, и ему удалось отправить расплывчатые мысли, которые сообщали детенышу, что он в безопасности, что он рад его здоровью и гордится тем, что он благополучно вылупился.

Гладиус ответил повторяющимся коротким низким чириканьем, похожим на кошачье мурлыканье, и волна детского счастья в его эмоциях усилилась, что вызвало смешок Лиама.

Имплантат внезапно замерцал, Гладиус замер, прежде чем радостно зачирикать, и Лиам мгновенно понял, что только что произошло, детеныш полностью подчинился ему по собственной воле.

Имплантат действовал согласно тому, для чего он был разработан, даже если ситуация была новой, он «привязал» Гладиуса к нему средствами, о которых Лиам не знал полностью, и частью импланта, о которой он действительно хотел узнать больше. Сколько же потенциала сокрыто в этом предмете.

«Вот как… но чтобы приручить кого-то, нужно много условий». — заметил он, очень довольный этим открытием. Это открыло множество путей развития.

Лиам приручил детеныша и теперь только его смерть разлучит их, или если он сам решит разорвать связь детеныша с имплантом, что плохо кончится для большого австрапеда. Однако этот процесс сильно отличался от игры, но имел некоторые общие с ней моменты.

Природа этих различий потребует проверки, но не сейчас, Лиам может чувствовать усталость детеныша, не стоит спешить, ему все еще нужно вырасти. Поспешность может привести к преждевременной смерти, ведь новорожденные довольно хрупкие и нуждаются в уходе.

«Невероятно» — подумал Лиам. Было увлекательно наблюдать, как он медленно засыпал, как его ум становился все менее и менее активным, пока не стал почти безмолвным, как будто бурное море успокоилось, пока не остались небольшие волны.

Вскоре после этого усики вернулись в свой защитный лоскут кожи в конце нейронной косы, их странная связь была разорвана, но на ее месте появилась связь несколько иной природы, которая оставалась незамеченной до сих пор.

Теперь он едва мог чувствовать чуждые ему эмоции, это заставило его вздохнуть с облегчением, хотя чувствовать переживания детеныша было фантастическим опытом, но это заставляло его инстинкты кричать от дискомфорта.

В конце концов, человек не был На'ви, хотя сходства было много. Это был факт. Как ни странно, некоторые биологические барьеры просто невозможно преодолеть. Однако можно найти и другие альтернативные пути, как это произошло сейчас.

Закрыв глаза, Лиам тут же почувствовал местонахождение Гладиуса. Через связь он получил информацию о его общем состоянии, а затем, что наиболее важно, он почувствовал степень контроля над Гладиусом.

Он был уверен, что ткаих возможностей не было в первоначальном дизайне имплантата, и в большинстве случаев это была ошибка уникальной биологии дикой природы этой луны. С этими мыслями он вскоре последовал примеру детеныша и заснул.

Рано утром Лиам проснулся от чириканья и стонов. Он сонно открыл глаза, и прямо перед его лицом оказался обоюдоострый хвост Гладиуса. Отодвинув его в сторону, он потянулся, хрустнув большей частью суставов своего тела, одновременно привлекая внимание птицы.

"Приятель, ты голоден, верно?" — проворковал Лиам, чувствуя голод Гладиуса, и погладил его, заставляли детеныша чирикать-мурлыкать и взмахивать крыльями от возбуждения.

Надежно подняв детеныша на руки, Лиам спрыгнул прямо вниз, мягко приземлившись на землю.

Он поставил Гладиуса на землю, и тот неуклюже встал, не с первого раза, но ему это все же удалось. Затем он поковылял позади, как утенок за своей матерью, утенок-убийца, но все же утенок.

По мнению Лиама, вид Гладиуса был в основном плодоядным, но это было его предположение, а не абсолютная правда. Вот почему он собирался посмотреть, что съест Гладиус, лучше перестраховаться, чем потом сожалеть.

И так прошел следующий час, Лиам искал чего хочет Гладиус, и его выбор пал на смесь странных на вид фруктов, приправленных железным порошком. Он кормил детеныша, пока тот не уснул.

http://tl.rulate.ru/book/90465/2951627